

ИНЖЕНЕР

ЧАСТЬ 1. НАБРОСОК

Евгений Южин

Инженер

ЕВГЕНИЙ ЮЖИН

Инженер. Часть 1. набросок

«Автор»

2020

Южин Е.

Инженер. Часть 1. набросок / Е. Южин — «Автор»,
2020 — (Инженер)

Илья был обычным инженером - всю жизнь учился, считал, что знает, как рождаются и умирают звезды, как построить самолет и как запустить цепную реакцию. Но однажды он оказался в другом мире, на другой планете, где живут потомки людей, попавших туда еще в неолите. Там он обнаружил то, что разрушало его картину мира — магию. Он убежден, что две загадки, две тайны — его переноса в другой мир и магии, должны иметь что-то общее. Он верит, что, разгадав тайну магии, сможет вернуться домой.

Содержание

1	5
2	8
3	15
4	19
5	23
6	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

1

Лучший способ погрузить город во тьму – это обильно полить его дождем. Когда дождь закончится и до того момента, пока почерневшие дороги не подсохнут, асфальт глотает свет как настоящая черная дыра, и ни фонари города, ни фары машин ничего не могут с этим поделать. Хотя дождь, кажется, утих, дворники машины суетились за стеклом, смахивая липкую водяную пыль, висящую над дорогой. Термометр, светящийся маленьким белым глазом под панелью приборов, напоминал, что за бортом начинался московский ноябрь – лучшее время, чтобы насладиться теплом и уютом, царящим в салоне. Выходить из машины из расцветенного созвездием светодиодов полумрака не было никакого желания, даже для того чтобы добежать до подъезда.

Впрочем, до дома еще надо было доехать. Знакомый изгиб промокшего бульвара упирался в светофор, за которым прятался незаметный поворот на безымянный переулок, носящий среди местных жителей вполне ожидаемое имя – Бродвей. Светофор светил красным, и я не сразу заметил стоящую на дороге машину, мигающую аварийным сигналом. Из темноты улицы, мерцающей желтыми и красными огнями, отделилась такая же темная фигура, плоть от плоти черной дыры, угадываемая лишь по движению гаснущих фонарей, – полицейский. Я остановился.

Пробормотав привычную скороговорку, из которой я уловил только «...тальян... тенант... ов», ДПСник неожиданно смущенно спросил:

– Не сильно торопитесь?

– Не сильно. А что случилось? – полюбопытствовал я.

– Да вот, мужик какую-то бабку сбил, выскочила из кустов прямо под машину, а она удрала. У него вроде и повреждений никаких, а уехать боится. Знаете, как эти бабки? Домой прибежит, успокоится, спать ляжет, а утром голова заболит, она заявление и накает.

– А я зачем?

– Понятым будете. Осмотрите, так сказать, место и телефон оставите. Вы же не против? Мне стало даже жаль и мужика, и мента этого мокрого.

– Нет, не против.

Запарковавшись рядом с полицейской машиной, я выбрался в промозглую темноту. Водитель, потенциальный убийца, мялся рядом с темным кроссовером «БМВ». Мент подошел к бамперу машины и показал на невнятную полосу чистой краски на бампере.

– Права ваши, пожалуйста, и номер телефона.

Я отдал права и, пока он переписывал что-то с них в протокол, осмотрелся. В свете фар БМВшки валялась прямо на асфальте пара картофелин и чуть в стороне белел какой-то камешек треугольной формы. Я наклонился и поднял его, водитель и гаишник тут же нависли надо мной, но, увидев, что именно я нашел, отвернулись. Камень как камень. Непонятно только, откуда здесь хороший окатыш белесого полупрозрачного кварца? Найди я его на галечном пляже, повертел бы в руках да и выбросил.

– Ваши права. Спасибо, – вернул мне документы полицейский. Я машинально сунул камешек в карман и поспешил в машину. Пяти минут не простоял, а успел замерзнуть, хотя морозом еще и не пахло.

Десять минут спустя я запарковался на удачно подвернувшееся свободное место прямо напротив подъезда. Толком еще не отогревшись я выключил двигатель и на какое-то время завис в подобии транса, наслаждаясь темнотой и тишиной. Надо было идти, и я сунул руку в карман куртки за связкой ключей. Пальцы нащупали гладкий прохладный камешек. Надо было выкинуть его прямо там, где я его нашел, но теперь он стал моим имуществом, собственностью, и просто так выбросить его уже было нельзя. Надо было принести его домой, дать вылежаться

года три-четыре и только потом выбросить в ведро во время очередной уборки. Я вертел его в руке, удивляясь почти идеальной форме равностороннего треугольника, когда неожиданно заметил крохотную голубоватую искорку, мелькнувшую на его поверхности. Повертев головой, я не нашел ни одного фонаря или лампы в округе, свет которых мог бы отразиться на нем. Да и камень был не настолько гладким, чтобы отражать предметы. Я попытался опять поймать этот отблеск, медленно водя камушком там, где я заметил искру первый раз. Ну, вот же она! Наверное, я вытаращил глаза! Искорка вовсе не отражалась от его поверхности. Больше всего это было похоже на то, как если бы камень пересекал луч лазерной указки. Самого луча не было видно, но на поверхности камня плясало пятнышко света, неподвижное относительно земли. Оно было слабое, тусклое, и только темнота за окном и в салоне машины позволяла отчетливо его видеть. Я попытался прикрыть «луч» ладонью, но это ничего не изменило. Такое ощущение, что если смотреть через этот камень куда-то в сторону педали газа, то ты видишь сквозь него, как на экране, крохотную далекую голубовато-зеленую звездочку.

Наигравшись с обретенным сокровищем, я очнулся и выскочил из машины – пора идти домой. В багажнике томились продукты, купленные под чутким руководством супруги еще в обед. В холодильнике все равно теплее, чем на улице, поэтому я несколько не волновался об их сохранности, но вот последний пакетик кошачьего корма был открыт еще утром, и представляю, что творилось сейчас дома. Не удержавшись, опять проверил камень. По-прежнему где-то в направлении канализационного люка мерцала звездочка. Да что же это такое?! В моей вполне устоявшейся картине мироздания зияла огромная дыра! Я чувствовал сильнейшее возбуждение, как если бы мне довелось прикоснуться к чему-то фантастическому, как если бы я стоял на пороге открытия! Ну да ладно. Мироздание подождет, а любимая животина – нет.

Я открыл багажник и, не удержавшись, вновь посмотрел сквозь камень. Мне показалось, или звездочка стала шире, как бы расплющилась, превратившись в тусклое пятнышко? Приблизив камень к лицу, я напряженно рассматривал пятно. Нет, не показалось. У меня на глазах пятнышко стремительно расширялось, бледнея, пока не покрыло весь камень. Лишь память о виденном подсказывала, что камень слегка, еле заметно светился. Внезапно машина скрипнула, покачнувшись, по глазам ударил какой-то серый яркий свет, и я рухнул в воду. В лицо ткнулся пакет с продуктами, я заполошно оттолкнул его и рванул наверх.

Мозг отказывался принимать то, что меня окружало. Я плывал довольно далеко от берега большого озера. Вода была теплая и темная – такая бывает на подмосковных торфяных озерах. Вблизи – буро-коричневая, издали она выглядит почти черной. Пресная. Над головой светло-серое небо со сплошной пеленой облаков. День. До ближайшего берега метров триста, не меньше. Берег слегка холмистый, поросший, кажется, лесом. Камень из рук, естественно, исчез, как и ключи от машины, которые я держал в другой руке. В куртке, свитере, кроссовках и джинсах я барахтался как потерпевший крушение турист посреди неизвестного тропического курорта. Телефон и документы остались в сумке, которую я бросил на пакет с продуктами, пока возился с камнем. Первая мысль, которую выдал мой мозг, провернув сломавшийся механизм, – нырять. Похоже, и сумка с документами, и продукты, и ключи от машины, и камень, будь он неладен, попали в озеро вместе со мной. Слава богу, и плаваю, и ныряю я очень даже прилично. Детство прошло у моря, и вода меня не пугает. Хорошенько провентилировав легкие, нырнул – бесполезно. Очень глубоко и совершенно ничего не видно, вода черная как гудрон. На пределе выносливости я даже не коснулся дна, не говоря уже о поисках вещей. На упрямом отчаянии нырнул еще пару раз. Ужасно мешала куртка, и я ее сбросил. Через какое-то время мозг выдал вторую мысль – надо выбираться на берег. Даже если вещи дождутся меня на дне, неизвестно, куда и как далеко меня относит течением, а оно здесь очень даже может быть. Да и так ли нужен мне пакет с продуктами или сумка с документами и телефоном?

Отловив плавающую неподалеку куртку, я направился к берегу. Мозг опять заскрипел и остановился. Хорошо был виден рыжеватый грунт обрыва, покрытый по кромке серо-голу-

бым пухом, как если бы постаревший берег устал бриться и зарос трехдневной щетиной. Это было настолько не похоже на все, что я видел, что сознание просто не могло найти привычных ориентиров.

Наконец выбравшись на такой знакомый и такой привычный берег – глинистый обрыв и узенькая песчаная подошва под ним, – я готов был расцеловать его. Взгляд притягивала незнакомая растительность наверху, и я, не останавливаясь, начал забираться туда. Добравшись, присел на краю, пытаюсь отдышаться и сообразить, что же я вижу. Пахло йодом, как если бы рядом было море. Озеро было довольно большое, наверное, километра полтора в ширину и неизвестной длины, так как с одной стороны вода изгибалась и пряталась за большим островом. Поверхность воды больше напоминала черное зеркало, расчерченное паутиной мелкой ряби, гонящейся за очень слабым ветром. Было тепло, градусов 20. Я не только не замерз, но даже согрелся под слоем осенней одежды. Вода текла из куртки, которую я набросил на себя, но мне было не до того. За моей спиной тянулся довольно широкий луг, который, похоже, не прерывался и под сенью очень высоких деревьев, растущих далеко друг от друга, без малейшего следа подлеска между ними. На первый взгляд, на лугу росло только одно растение – чем-то напоминающие наш папоротник пушистые кусты серо-голубого цвета с почвой между ними, засыпанной черно-серым, похожим на засохшие иголки субстратом.

Совершенно потерянный, я делал то, что требовал организм. Как безмозглое животное, которому все равно, где оно и что его окружает, я оправился, снял с себя одежду, тщательно выжал ее и надел все, кроме куртки и свитера, обратно. Проверил карманы, но ничего полезного, кроме чека из магазина, не обнаружил. Скрутив куртку и свитер в подобие мешка, повесил свои вещи за плечи и направился в лес.

Мне нужна была информация, любая информация, анализируя которую, я мог бы разобраться, что происходит. Внезапно нахлынуло чувство сильнейшего стыда и отчаянья. Я подвел семью, они ждут меня, волнуются, кот орет. А я не понимаю, что я сделал, что делаю, что я должен сделать! Я вообще ничего не понимаю!

Вдруг захотелось есть, и все переживания как рукой сняло. Я ничего не ел уже полдня, и избалованный организм требовал регулярного питания, которого не было и не предвиделось. Все сложные эмоции и переживания стали неважными и спрятались где-то на дне сознания. Шагалось легко, и через несколько минут я стоял рядом с ближайшим деревом, если это вообще было дерево. Было видно, что оно гораздо ниже своих собратьев, растущих глубже в лесу, но во всем остальном выглядело оно совершенно так же. Высокий гладкий ствол кремового цвета, покрытый неглубоким сетчатым рисунком, был лишен каких-либо ветвей до самого верха, раскрываясь на макушке геометрически правильным зонтиком неровных очень длинных и извилистых отростков, на которых гнездились пучки длинных темных иголок или листьев. Было похоже, что растение перевернули с ног на голову и его корни оказались его вершиной.

Никакого движения – ни насекомых, ни птиц, ни мелкой живности. Я осмотрелся. Ландшафт по берегу озера выглядел совершенно одинаково во все стороны. Плотные облака не позволяли определить направление на местное светило. Да, да, именно светило, не солнце. Чтобы понять это, достаточно было просто попасть туда. Все окружающее казалось неправильным, неземным. Хотелось есть, и это чувство как якорь удерживало сознание от безумия. Подумалось, что надо бы найти текущую воду – реку или ручей. Идя вниз по течению, можно было бы рассчитывать найти более крупный водоем или более разнообразный ландшафт.

Оцепенение, которое в очередной раз охватило меня, мгновенно слетело, как только сквозь негромкий шорох ветра в стволах деревьев пробился далекий стук, ритмичный и размеренно медлительный. Стучало что-то большое, далекое и тяжелое. Это сразу же решило вопрос с выбором направления движения. Звук приходил с далеких холмов в стороне от озера, и я тут же направился туда.

2

Идти было удивительно легко. Несмотря на то что по моему собственному времени уже был поздний вечер, несмотря на незапланированные и выматывающие водные процедуры, несмотря на дававшее о себе знать желание поужинать в привычное время, я чувствовал себя довольно бодро и быстро шагал по пружинящей черно-серой подстилке среди редко стоящих гигантов. Обстановка напоминала прогулку по ухоженному парку – ни тебе подлеска, ни поваленных стволов погибших деревьев, ни назойливых насекомых. Потянулся пологий склон, и я впервые увидел какие-то изменения в растительности. Кроны, до того казавшиеся парящими недостижимо высоко, придвинулись, стволы стали мельче, и затем неожиданно потянулась большая прогалина, заставленная как будто обгоревшими скукоженными останками не выросших гигантов, которые чем дальше, тем становились мельче. Стало заметно, что все деревья были соединены между собой подобием корня, местами выступающим из почвы и похожим на распущенный канат – этакое неплотное переплетение мелких жил. Ниже в распадке дерева, или дерево, закончились, и я услышал тихий плеск воды. Среди уже привычных кустиков, обрамлявших широкую полосу окатанной гальки, по проточенному в больших сланцевых блоках каналу бежал крохотный ручей. Я спустился и принял. По-прежнему пахло йодом, но уже гораздо слабее, чем около озера. Вода была прозрачной и привычной. Нисколько не сомневаясь, я напился. Вдали опять застучало – четыре удара, и тишина. Надо было двигаться дальше.

Взбираясь по пологому склону следующего холма, я скоро опять вошел в лес, миновав знакомую полосу поваленных недодеревьев. Подъем давался легко, голод еще не мучил, жажда отступила, и проснулось любопытство. В голове сама собой, как будто не было более насущных забот, появилась идея измерить ускорение свободного падения, соорудив простейший маятник. Проблема была за эталонами длины и времени. Если свой рост я, естественно, знал с точностью до сантиметра, то в своей способности точно отсчитывать секунды сильно сомневался. Обдумывая, как привязать к имевшемуся эталону длины время, я перевалил гребень холма и остановился. Стука больше не было слышно, и я был не уверен, что смогу сохранить направление без этого далекого ориентира. Постояв и ничего не дождавшись, двинулся дальше. Еще четыре холма, еще один ручей, похожий на первый, но совсем крохотный, и лес внезапно изменился. Деревья переменились так резко, что была видна граница между ними. Вот здесь – светло-бежевые стволы, увенчанные поросшей черным волосом обширной кроной, а тут уже тоже как бы стволы, но почти белые, даже голубоватые, гладкие, тонкие, без ветвей вообще, только жесткие темно-бурые ленты, обильно торчащие из верхней трети растения. Какая-то метелка для смахивания пыли метров тридцать высотой. Деревья в новом лесу стояли гораздо плотнее, но ощущение лесопарка никуда не делось. Почва между уже родных серых кустиков была посыпана рыжими закорючками, слегка шипящими, когда я наступал на них. Ветра почти не было, и мне показалось, что стало немного темнее. Вечереет? Делать нечего, и я решил двигаться дальше до ближайшей воды. Если стук не возобновится, придется останавливаться на ночлег, так как первое возбуждение давно схлынуло и все сильнее хотелось спать. Миновав еще пару подъемов и спусков, удалось найти родник, бьющий в осыпи у основания холма. Небольшой обрыв создавал иллюзорную защиту, я понял, что смертельно устал и буду ночевать прямо под ним. Стемнело еще сильнее, но ночь все не наступала. Ждать темноты не было смысла, и я уснул, завернувшись в просохшую куртку и подложив свитер под голову.

Спалось удивительно сладко, вот только будильник почему-то не светился на привычном месте. Я потянулся посмотреть, сколько времени, уперся локтем в камень и рывком вскочил – это не дом.

Темно. На фоне тускло светящегося неба видны темные силуэты деревьев. Болят ноги, спина. Я дернулся – черт! – ноги совершенно босые. Чуть в стороне нашарил кроссовки, рядом на камне – носки. Когда я их снял? Я ничего не помнил. Вроде все на месте. Поправив свитер, опять улегся на куртку. Сна не было ни в одном глазу – похоже, я хорошо выспался. На ощупь нашел родник, напился, умылся и вернулся к своему лежбищу. Несмотря на тусклый свет, исходящий от неба, осмысленно двигаться в темноте было невозможно. В животе скрутился сосущий клубок. Подумалось: «Удачно! Похудею немного, а то в старые джинсы, когда-то любимые, не смог влезть накануне».

Было тихо, пахло мокрым камнем и еще чем-то приятно кислым, вроде лимона. Несмотря на ночь, воздух оставался достаточно теплым, чтобы я не мерз даже без майки. Так или иначе, надо дожидаться рассвета. Таращась в тускло-серое небо, я незаметно заснул.

Проснулся уже без сюрпризов, хорошо понимая, что я не дома. Судя по ощущениям, я, мягко говоря, переспал. Даванул эдак часиков двенадцать. Стало светлее, но, похоже, до полноценного утра еще часа два. Повторив санитарные процедуры, обулся и немного порастягивал измученные непривычно долгой ходьбой мышцы. Решил не тратить время и пройти по лесу еще немного дальше, ориентируясь по белесому небу, которое светилось явно неравномерно, светлее как раз в направлении, в котором я двигался до этого.

Нарастало беспокойство, так как перспективы моих действий оставались крайне сомнительными. Было ощущение, что я просто двигаюсь навстречу голодной смерти. Я уже пробовал жевать местные кустики, но эффект был такой же, как и от жевания сена. Может, коровы и могут этим питаться, но я явно к ним не относился. Ничего примечательного в субстрате, который укрывал почву, я не нашел. Поэтому казалось логичным двигаться в поисках изменений – вдруг они к чему-то приведут? Сидеть на месте – это точно самоубийство.

Справа от небольшого овражка вдруг метнулась мне под ноги шелестящая темная молния, секундой позже ноги обвила веревка, и два тяжелых шара на ее концах больно стукнули меня. Я не удержался и упал на колени, подставив руки. Посмотрев в сторону оврага, я ничего не увидел и перевернулся, чтобы освободиться. Надо мной стоял, занеся над плечом копьё, человек с выражением очевидного удивления на лице. Похоже, меня только что пытались убить, но мой вид поверг охотника в кратковременный ступор, и я, чувствуя облегчение и даже неуместную радость от этой встречи, поспешил этим воспользоваться. Выставив вперед и вверх ладони, я улыбнулся как можно шире и сказал первое, что пришло на ум:

– Здравствуйте!

На фоне черных макушек деревьев, подсвеченный зарождающимся утром, стоял и смотрел на меня молодой мужчина лет двадцати в темной рубаше и свободных штанах. Почему-то было очевидно, что он только что собирался проткнуть меня нетолстым копьём, которое держал в поднятой правой руке, но что-то остановило его. Я отчетливо понимал, что моя жизнь висит на волоске, поэтому замер, не двигаясь. Какой-то камень больно давил меня в ягодицу, начинала затекать спина от неудобного положения, и я старался не двигаться, но мозг уже создавал планы спасения – если он дернется, рванушь вправо перекатом, а там посмотрим. Лицо незнакомца имело странные непривычные черты – было ощущение, что мне повстречался американский индеец в исполнении европейского актера. Этаким Гойко Митич из моего детства. В целом европеоидные черты лица одновременно были незнакомыми, несомненно, чужими. Он нахмурился, отступил на полшага и, не убирая копьё, показал мне рукой, чтобы я встал.

– Лиансафа!

Так, кажется, мое убийство откладывается. Я не понял, что он сказал, но жест был вполне очевиден, и я медленно поднялся.

– Угуртесафа, кхе! – негромко сказал молодой парень. – Ганнер? – вопросительные интонации были очевидны, но язык незнаком.

– Я вас не понимаю, – на всякий случай ответил я, поднявшись, и добавил: – Сорри, ай донт андестэнд ю, нихт ферштейн.

Похоже, мои слова тоже не нашли понимания, и мы уставились друг на друга, разглядывая. Рубаха на парне была однотонная, кажется, зеленая, без ворота, чуть выше колен, прямого кроя и без пояса. Рукава короткие, чуть ниже локтя. Из-под широких штанин виднелось некое подобие мокасин такого же зеленоватого цвета, как и рубаха. Длинные прямые черные волосы собраны в хвост. Не хватало только пера в волосах. Никаких вещей, кроме копья, у него не было.

Сзади зашуршало, и стало понятно, чего мы ждем. Кто-то ведь метнул в меня этот аркан, и сейчас этот кто-то осторожно подходил ко мне сзади. Захотелось в туалет, и я напрягся, ожидая удара. Поворачиваться было страшно, так как готовность незнакомца применить свое оружие не вызвала сомнения.

Тихо, еле слышно шуршал лес. В сумраке занимающегося рассвета все выглядело бесцветным и бледным. Веревка, обмотавшая мои ноги, давно упала, и при желании я мог бы освободиться, просто шагнув в сторону, но под пристальным взглядом моего молодого визави делать этого не хотелось. Последний стал смещаться влево, все так же удерживая меня «под прицелом». И справа из-за моей спины появился его напарник. Я медленно, стараясь не делать лишних движений, повернул голову. Меня по широкой дуге обходил мужчина постарше, единственным отличием которого от молодого была, похоже, синяя рубаха, такая же однотонная и без каких-либо деталей. Затем он замер, сделал шаг вперед и, похоже, расслабился, опустив острие копья. Я напряженно всматривался в его лицо, он, в свою очередь, рассматривал меня.

– Ганнер, – произнес он с утвердительной интонацией вслед за первым.

Тот тоже расслабился и опустил руку с оружием. Они обменялись несколькими фразами на своем языке, уже не пытаясь обращаться ко мне. Видимо, я выглядел как неизвестный мне «ганнер» и подразумевалось, что разговаривать с такими не о чем.

– Мужики, я, конечно, дико извиняюсь, но нет ли у вас чего-нибудь пожрать? – закончив фразу, я, как мне казалось, убедительно потыкал пальцем в свой открытый рот.

Незнакомцы внимательно выслушали мою поэтическую речь, старший что-то сказал молодому, и тот, неожиданно переложив копьё в левую руку, поднял правую ко рту и громко свистнул. Я невольно поморщился. Не дожидаясь ответа, молодой подтолкнул меня рукой, а другой, сжимающей копьё, указал куда-то вглубь леса.

– Хосафа!

Быстрым шагом мы двинулись вверх по холму, в то время как старший отстал и затем исчез за деревьями. Молодой шел сзади и время от времени поправлял направление взмахом копья. Было ясно, что меня он совершенно не опасается, и я почему-то обиделся. Что я, блин, такой «неопасный», что ли? В Москве со мной даже здоровые мужики старались разговаривать уважительно. Не потому что я какой-то там страшный, просто я привык к тому, что незнакомые люди обычно стараются не хамить экземплярам более 100 кг веса при вполне себе среднем росте и сухощавом сложении. Правда, в данный момент это сложение требовало пожрать, и как можно быстрее.

Местность вокруг внезапно поменялась. Теперь мы вступили в то, что я мог бы назвать обычным лесом. Поваленные гигантские деревья нового незнакомомого мне вида, заросли молодых растений и разнокалиберные гиганты, накрывавшие своими кронами предутреннюю тьму под ними. Серые кустики стали редкими, и между ними появились новые, мелкие, похожие на невысокий бамбук рыжего цвета образцы.

Огромный ствол упавшего растения не смог перегородить нам дорогу, так как опирался на совершенно невообразимое бревно метра три в диаметре другого рухнувшего гиганта. Мы прошли под ним, не наклоняясь, и нос к носу столкнулись еще с одним незнакомцем. Наконец очередь копьё – я их за всю свою жизнь столько не видел – смотрел мне в грудь.

Мой сопровождающий выдал длинную фразу, в которой я уловил знакомое «ганнер». Подждавший нас человек опустил копье, подошел ко мне ближе и пристально всмотрелся в мое лицо. Видимо, полностью удовлетворенный увиденным, он развернулся и махнул мне рукой, призывая идти за ним. Мой молодой сопровождающий, что-то буркнув, отправился обратно.

Долго идти не пришлось. У основания поваленного ствола был разбит лагерь, ну, или его подобие. Среди расставленных там и тут огромных узлов, похоже, приспособленных для ношения на спине, как рюкзаки, стояли или что-то упаковывали трое мужчин, лица которых, сейчас были все обращены в нашу сторону. Встретивший меня, похоже, был здесь старшим. Это было заметно по мелким признакам, которые мы обычно даже не осознаем, вроде взглядов, которыми, не осознавая этого, люди стараются постоянно контролировать поведение лидера, его положение, его слова. Последний поставил свое копье к ряду других, прислоненных к упавшему стволу, и развернулся ко мне.

На первый взгляд все выглядели однотипно – темные прямые волосы, стянутые в хвост, такие же темные глаза, светлая загорелая кожа, та же одежда, состоящая из подобия рубахи, штанов и мокасин, только разных цветов, все среднего роста и довольно худые. В отличие от тех, кто ловил меня, эти были подпоясаны очень похожими на мой пояс ремнями, на которых висели разнокалиберные непонятные мне приспособления, среди которых, очевидно, узнаваемыми были только небольшие ножи в ножнах. У двоих через плечи были переброшены небольшие светлые сумки. Кроме упомянутых мною то ли рюкзаков, то ли коробов, на земле ничего не было, только копья, стоящие рядом у дерева.

Меня внимательно осмотрели, негромко переговариваясь, и стало окончательно ясно, что я «ганнер». Я наконец сообразил, что стало причиной их уверенности в этом. Рассматривая мое лицо, один не удержался и провел рукой по моей щеке. Я отпрянул, но тут же догадался, в чем дело. На лицах аборигенов не было и следа бороды или усов, и моя трехдневная щетина, очевидно, была однозначным свидетельством того, кто я есть. Видимо, растительность на лице у местных вообще отсутствовала как признак. Они явно знали людей с бородами, но считали их неопасными и, мне показалось, как бы неодушевленными. Никто даже не пытался заговорить со мной, представиться или узнать мое имя. Отношение было вроде «Смотрите, чего я нашел!».

– О! Класс! Клевая штукаенция!

Я повторил выступление, сопровождаемое мимикой и жестами, которое должно было передать местным всю глубину мучений голода, которые я испытывал. Меня выслушали, и старший что-то сказал самому высокому из присутствующих. Последний, порывшись в сумке, висевшей через плечо, достал некий предмет, похожий на колечко сыра или очень толстую лепешку, с усилием разломил его пополам, подошел ко мне и протянул руку. Я попытался взять предполагаемую еду, но он быстро убрал руку обратно. Ухмыльнувшись, Длинный разломил половинку еще на две части, показал мне кусочек, а затем ткнул пальцем в сторону одного из рюкзаков. Мне показалось, что я его понял, и я кивнул. Мужчина нахмурился и, помедлив, протянул мне обломок.

Это был самый обычный сыр. Нет, это был самый вкусный сыр из всех, что я пробовал. Он, конечно, сильно отличался от того, что я назвал бы сыром у себя дома, имел немного хлебный крошащийся вкус, но какая разница?! Я мгновенно проглотил, как мне показалось, крошечную порцию. Все это время присутствующие разглядывали меня с каким-то равнодушным выражением лиц. Стоило мне закончить глотать свой завтрак, они расселись вокруг своих рюкзаков и стали чего-то ждать. Повертев головой и убедившись, что на меня обращают мало внимания, я отошел в сторону за ствол дерева, чтобы опраться. Никто и не подумал пойти за мной – так, проводили взглядами. Крохотный, с моей точки зрения, завтрак неожиданно утолил мой голод, и захотелось пить. Я выбрался к моей новой компании и замер, обдумывая, как донести до них мое новое желание. Старший опять что-то буркнул длинному, который выдал мне еду, и тот, неохотно встав, взял меня за плечо и вытянул руку вниз по склону вдоль едва

заметной тропки. Помедлив, я двинулся в указанном направлении и сразу понял, куда меня послали. Оказывается, совсем рядом в небольшой щели бил родник, из которого я с наслаждением напился.

Внезапно рядом со мной появилась нога, обутая в мокасин, и я, дернувшись, отпрянул. Наслаждаясь произведенным эффектом, улыбаясь во весь рот, рядом со мной стоял тот самый молодой парень, которого я увидел сегодня первым. Больше не обращая на меня внимания, он напился и побежал в сторону лагеря. Я двинулся следом.

Заметно посветлело. Впервые здесь я почувствовал присутствие какого-то светила, было ощущение, что вот-вот выглянет солнце, или что тут у них вместо него. Я был сыт, по крайней мере, я поел, выспался, и не один. Все это плюс ожидание солнца подняло мне настроение. О том, что осталось в Москве, я старался не думать – к чему мучить себя мыслями о том, что не можешь изменить?

Длинный подозвал меня жестом и, по-прежнему ничего не говоря, стал крутить меня, как если бы я был осликом или мулом, примеряясь повесить мне на спину напоминающее рюкзак сооружение. Посмотрев на эту «торбу», я решил, что было бы неплохо иметь что-то между моей спиной и грузом. По крайней мере, никакой мягкой прокладки на спинке объемистой ноши не наблюдалось, а, напротив, имелось подобие большой дуги, согнутой из ветки или корня. Размотал скатку из того, что раньше было курткой и свитером. Последний совершенно не пострадал, чего нельзя было сказать о куртке, для которой, похоже, купание стало фатальным. Натянул на себя свитер и, сложив куртку, постарался подsunуть ее под изгиб дуги так, чтобы она прикрывала эту конструкцию и не двигалась во время ходьбы. Во время всех этих манипуляций Длинный молча наблюдал за мной со странным выражением на лице, как если бы у вас на глазах ваш ослик позвонил маме по сотовому. Он что, меня вообще за человека не считает?

Наконец после всех примерок груз был взгроможден на мою спину. Оказалось, что весил он не так страшно, как выглядел – килограммов 20, не более. Так же нагрузились все остальные, кроме молодого улыбочивого парня, который, перепоясавшись и закинув через плечо сумку, ушел, не дожидаясь нас. Через некоторое время пошли и мы.

Маленький отряд растянулся змейкой. Я шел в середине и ощущал себя вполне комфортно, хотя и несколько жалел о надетом свитере – было похоже, что сегодня мне предстоит попотеть. Окружающий лес давал возможность двигаться вполне комфортно, если не считать гигантских стволов рухнувших деревьев, которые приходилось обходить. Однако лежали они не так часто, и мы в целом двигались в одном направлении. Я озирался, рассматривая незнакомую растительность, но, кроме нее, не видел никаких признаков жизни. Ничто не бегало, не прыгало, не летало и не ползало – какое-то царство растений прям! Мои спутники казались такими же чужими здесь, как и я.

Монотонное движение продолжалось довольно долго, по моим ощущениям, часа три, не меньше, прежде чем мы остановились рядом с небольшим ручьем. Я устал, с наслаждением сбросил груз и снял пропотевший свитер, который к тому же начал нестерпимо чесаться. Через некоторое время все сели в небольшой кружок и стали о чем-то негромко переговариваться, все время настороженно оглядываясь. Я сидел чуть в стороне, оперевшись на груз, и наслаждался покоем.

Резкий крик вмешался в монотонный бубнеж моих спутников. Все вскочили, похватав свои копыя, и уставились в направлении крика. Через некоторое время вверху по склону мелькнула тень, а следом выскочил несущийся со всех ног наш молодой дозорный. Рубашка на парне была покрыта темными пятнами пота, и было ясно, что он бежит так уже довольно долго. Не добежав до нас, тот стал кричать что-то мне непонятное, и в следующее мгновение смысл стал ясен и мне. Выше по склону выскочили из-за стволов семеро мужчин, для меня полностью похожих на моих спутников. Я видел бледные лица и развевающиеся на бегу хвосты черных

волос преследователей. Увидев нас, они и не подумали остановиться. Тот, кто был у них крайним слева, что-то выкрикнул, и преследователи, подкорректировав траекторию, понеслись к нам. Мои спутники развернулись в линию, подняв свои копья, – шестеро и я. Я стоял сзади и слева от всех, не воспринимая происходящее как какую-то угрозу. У нападавших в руках, кроме похожих копий, было по несколько совсем тонких, но почти таких же длинных, как и копья, дротиков. В какой-то момент, пользуясь разбегом, они метнули их в наш отряд и, не останавливаясь, рванули ближе.

Я удивился, когда крайний нападавший выбрал объектом атаки именно меня. Когда он метнул свой дротик, я совершенно машинально сделал шаг в сторону и, нисколько не опасаясь, видимо, сказывалась явственная для меня нереальность происходящего, проследил, как тонкая длинная палка с узким металлическим наконечником с сильным ударом врезалась в мой груз. Вырвав из мешка прилетевший снаряд, я выставил его вперед, как если бы это была винтовка со штыком. Собственно, весь мой опыт штыкового боя остался в детстве, когда мы, наломав прутьев, играли в мушкетеров или рыцарей. Мой визави несся на меня с огромной скоростью, подняв в руке над плечом второй дротик. До него были считанные метры, когда он метнул дротик в меня. Я ждал этого момента, совершенно не думая о том, что это не игра и меня собираются убить. Почувствовав, как напрягся в рывке мой будущий убийца, я присел в резком выпад вперед и одновременно выбросил мой дротик как шпагу по направлению врага, удерживая его за самое основание. Дротик рванулся, вылетел из руки, и тут же нападавший врезался в меня как танковый снаряд. Мы рухнули на землю. Я стоял на склоне холма, и незнакомец бежал сверху, таким образом, когда я опрокинулся на спину, мои ноги взлетели выше моей головы. Нападавший перелетел через меня и рухнул следом. Оглушенный столкновением, я повернул голову и увидел прямо рядом со мной, буквально в десяти сантиметрах, лицо врага. Оно было перекошенное от злобы и совершенно не страшное – оно было мертвое. Перекатившись, я поднялся не четвереньки и устался на труп. Мой дротик вошел ему в живот под углом и застрял, скорее всего, упершись в позвоночник. Сомневаюсь, что это убило его но, вот падение с длинной палкой, торчащей из живота, видимо, оказалось фатальным. Понемногу окружающий мир возвращался в сферу моего сознания. Тень легла на мои руки и заставила повернуть голову. Второй нападавший подскочил ко мне сбоку и готовился проделать отверстие в моей печени. Почему-то стоял он практически вплотную ко мне, и наконечник его копья – это было именно копьё, а не дротик, – отвратительно красный от крови, двигался совсем рядом с моим лицом. Так же инстинктивно, без раздумий я схватился правой рукой за это оружие и перевернулся на спину, увлекаемый сильным толчком копья. Скользящая липкая железка вывернулась из ладони, но дело было сделано, и копьё не коснулось моей тушки, пройдя прямо над моим животом и между моими поднятыми руками. В следующий момент абориген попытался отскочить назад, но я уже ухватился обеими руками за древко и прижал его к телу. Резко крутанувшись вправо, я дернул за копьё, и соперник, неустойчиво балансирующий надо мной и при этом упорно не желавший отпустить свое оружие, споткнувшись, рухнул прямо на мой бок, больно наступив на меня коленом. Не знаю, чем бы закончилась эта куча-мала, но тут он с каким-то утробным хрюком плашмя рухнул на землю. Над нами стоял Старший. С бешеным лицом оглядел он меня, и мне показалось на миг, что он собирается воткнуть свое оружие – копьё, которое он по-прежнему держал в руках, – прямо в меня, но он развернулся и исчез в направлении шума и криков схватки, которая явно еще не завершилась. Совершенно уже ошалевший, я выбрался из-под еще одного трупа, выпрямился и огляделся. В этот момент Старший и еще один мужик, кличку которому я еще не придумал, добивали раненых.

Наконец-то выглянуло солнце, но у меня, казалось, не было сил, чтобы просто повернуть голову, проверить, какого оно цвета. Я сидел, привалившись спиной к стволу неведомого мне растения, и тупо рассматривал свои руки. Последние, измазанные уже засохшей, стягивающей

кожу кровью, слегка дрожали. Тело ломало, как если бы каждая моя мышца пыталась сократиться сама по себе, без участия сознания, которое, похоже, взяло отпуск по уходу за собой. Руки как руки – за прошедшие дни ничего в них не изменилось, кроме неизвестно откуда взявшейся обильной кровавой коросты и обломанного ногтя на указательном пальце. Блин, у меня ни кусачек, ни пилки не было. Как его теперь выгрызть? Залом тянулся вдоль ногтевой пластины на треть, и отрывать его с мясом не было ни малейшего желания. Вот досада!

Рядом со мной кто-то опустился на землю. Я медленно повернул голову и увидел Старшего. Он сидел на коленях, повернувшись ко мне всем телом.

– Садох, – сказал он и ткнул себя в грудь пальцем, внимательно смотря мне в глаза.

– Илья, – догадался ответить я.

3

Сегодня был хороший день. Прошло время второго обеда, и я сидел на дощатом помосте под навесом, который стоял в тени густых зарослей местного растения. Про себя я называл его «бамбук» – уж очень они были похожи, кроме того, что вместо веточек с листьями у местного были длинные перистые отростки светло-серого цвета. Приходил Садух и сказал, чтобы я готовился – через день мы с караваном отправляемся в давно ожидаемую мной поездку в настоящий большой город – Саэмдил. Светило солнце, что здесь бывает не часто – какие-то выкрутасы местного климата. Вот и холмы эти называются «Облачный край». Я вспоминал, как почти год назад – местный год, конечно, – я попал сюда. Никогда бы не подумал, что стану настоящим наркоторговцем.

Я вспоминал, как бродил по холмам, называя лесом то, что на самом деле было одним растением. Здесь попадались экземпляры, которые обживали участки в несколько километров поперечником. Особенности местной флоры делали эти земли абсолютно бесплодными и безжизненными для людей. В том смысле, что человек не мог выжить в этом царстве псевдолесов. Там просто нечего было есть. Группа, которую я встретил на самой границе этой обширной зоны, была собирателями особого орешка – сырья для местного широко распространенного наркотика, который употребляли бы все, если бы не его заоблачная цена. Но об этом потом. За Облачным краем возвышались далекие горы, которые из-за тех же особенностей погоды практически никогда не были видны. В горах в изоляции жили люди, резко отличавшиеся от остального населения. Они контактировали только с жителями далекого отсюда Восточного моря, которое располагалось за хребтом. Местные о Восточном море и его жителях знали очень мало, но утверждали, что они мало чем отличаются от них самих. Про горцев же рассказывали, что зовутся они «мун», нелюдимы, хотя и безвредны, и у них есть один обычай. Соплеменников, которые чем-то провинились, они не убивали, а изгоняли в холмы у подножия гор, что, в принципе, было эквивалентно убийству за одним исключением – если повезет, то изгнанный мог пересечь область бесплодных лесов и добраться до местных. Это хоть и очень редко, но случалось. Поэтому местные прекрасно знали, что горцы безвредны, миролюбивы, не носят оружия и никогда не воюют. Изгнанники на своем языке сами себя называли «ганнер» и, когда добирались до обжитых областей, всегда добровольно становились чем-то вроде домашних слуг или рабов. По каким-то причинам рассматривая это положение как плату за свои пропускные, они безропотно выполняли все, что им приказывали, кроме насилия. Никто не помнил о том, чтобы от них были проблемы, поэтому и меня посчитали совершенно безвредным кандидатом на пост дорожного мула с перспективой повышения до статуса бесплатного слуги. Были горцы по сравнению с местными более грузные, коренастые и, что самое важное, носили бороды и усы, которыми основательно зарастали за время блужданий. Моя растительность на лице была как паспорт для аборигенов, так как здесь никто, кроме горцев, ее не имел.

Нападавшие на нас были из конкурирующей банды, и мотивы их отчаянной атаки стали мне понятны много позже. Орех собирался в строго ограниченное время года, был немногочислен, и расположение плодоносящих стволов хорошо известно и поделено между промысловиками. Вместе с тем довольно часто из долин поднимались снаряженные экспедиции диких сборщиков, которые плевать хотели на местные договоренности. Они тратили огромные усилия и средства, чтобы добраться сюда, уйти, минуя посты, в лес, и найти орех. Был огромный риск после стольких усилий прийти на делянку, которая уже была, как говорится, оприходована. Время на сбор было весьма ограничено, и в таком случае перейти на новый участок у браконьеров уже не было никакой возможности. Подвернувшийся отряд, груженный орехом, был для них единственной возможностью вернуть потери, и, несмотря на свою малочисленность, они рискнули напасть.

Скрипнули доски. На помост поднялась моя жена, Урухеле, у которой я был приемным мужем. Тогда, в той схватке, погибли с нашей стороны двое – Длинный, имя которого я никак не могу запомнить и который был мужем этой самой Урухеле, и еще один дядька из соседнего хутора. Садух тогда решил, что я, хоть и ганнер, слишком похож на человека, и снизошел не только до знакомства, но и принял меня в большую семью. Как я понимаю, большей частью он руководствовался расчетом, так как потеря Длинного создавала определенное напряжение в нехитрой экономике хутора, в котором он начальствовал. Брачные отношения были довольно причудливы для земного человека и допускали среди прочего так называемых приемных мужей и жен. Эти названия главным образом оформляли имущественные отношения в малой семье и практически не влияли на прочие обязательства. Так, я никогда не собирався и не спал с этой долговязой теткой Урухеле. Насколько я мог судить, она с нежностью относилась к старосте соседнего хутора и нисколько не скрывала этого. Статус приемного мужа или жены запрещал последним отчуждать любым способом или наследовать имущество малой семьи, однако наделял их определенными правами как членов большой. Большой семьей являлись все обитатели нашего хутора, так как слуг или рабов у нас не было. Наследовать собственность семьи могли бы мои дети, если бы я завел их с Урухеле, но последнее было сомнительно. Она, похоже, недолюбливала меня, хотя и старалась это скрывать. Здесь, впрочем, не было ничего нового. И на Земле сплошь и рядом живут одной семьей люди, которые только терпят друг друга. У меня же вообще не было выбора. Даже свой новый статус я осознал где-то через полгода, после того как слегка освоил местный язык.

По моим собственным подсчетам, местный год имел 412 дней. Дни года отсчитывались двадцатками, по двадцать дней, и эти двадцатки имели собственные имена. Последние двенадцать дней считались временем вне года и тратились на повальный кутеж и безделье. Именно в эти 12 дней проходила ярмарка в Саэмдиле, на которой сбывался весь годовой сбор орешка.

Меня весь этот год не покидало ощущение причастности к чему-то таинственному и великому. Хотя весь мой быт – периодические походы за орехом, переработка последнего, рубка бамбука и помол на муку его сердцевинки, поиски заблудившейся скотины и прочие заботы того же рода – никак, кажется, не должен был способствовать этому, сам факт моего пребывания здесь, моего попадания сюда ломал целостную картину устройства мира, которая сложилась за долгие годы учебы и жизни на Земле. По настоящему же укрепилось это ощущение и, пожалуй, впервые за время моего нахождения здесь дало ориентир в моих действиях открытие, которое буднично поведал мне во время совместного жевания пастилы из ореха Садух, когда я уже более или менее освоился с местным языком. Оказалось, что регион, в который я попал, находился, как говорится, в заднице мира. Если бы не орех, то люди сюда бы и вовсе не пришли. Местный центр наркоторговли – Саэмдил – жил только этим и, по сути, был большим торгово-закупочным центром, в который свозился переработанный орех со всего региона. Этот орех, кстати, как выяснилось, практически не оказывал на меня никакого действия. Точнее, почти никакого. Для меня последствия его жевания выглядели как легкое опьянение и небольшая эйфория – очень похоже, как если бы я одновременно принял чашку крепкого кофе и бутылку пива. Местные же наедались, что называется, в зюзю. В целом культура потребления этого ореха, точнее, специальным образом приготовленной пастилы самых разных вариантов исполнения, сильно напоминала потребление крепкого алкоголя на Земле, с той только разницей, что это потребление не вызывало выраженного похмелья и было местным аналогом афродизиака. Я мог жевать эту пастилу сколько угодно – чем дольше я это делал, тем меньший эффект от ее употребления ощущал. У меня взялась даже привычка закидывать по утрам кусочек пастилы в рот вместо кофе, которого здесь, естественно, не знали.

Так вот, регион этот находился в глубине континента, на краю огромной страны под названием Мау¹. Было несколько государств, но Садух был не самым информированным человеком в части географии. Зато он прекрасно знал главное – основой устройства местного человечества было Сकेлле². Переводилось это как искусство или что-то похожее, но по описанию Садуха лучшим аналогом этому слову на русском языке было бы слово «магия». Две тайны – моего попадания сюда и тайного искусства – совпадали по определению. Просто потому что никаких других вариантов объяснения произошедшего не было. Для меня это стало сразу же рабочей гипотезой. Я необычайно воодушевился и стал подробно расспрашивать все, что члены моей большой семьи знали об этом.

Знали они не много. Периодически рождались дети с этой способностью. Любой новорожденный при первой же возможности в обязательном порядке под страхом смерти подлежал предъявлению местному представителю магических властей. Таковой был в Саэмдиле. Тот выдавал сертификат, если ребенок был обычный, и это был аналог нашего паспорта. Если же ребенок оказывался со способностями, то его по достижении семи лет, а иногда и раньше, забирала у родителей в интернат. Родителям при этом назначалась изрядная пенсия и, несмотря на угрозу расставания, многие мечтали о такой удаче. Способности у детей были разного уровня. Как правило, абсолютное большинство из них, отучившись в интернате, направлялись к местам службы, где исполняли роль специфических чиновников, как, например, смотрящая в Саэмдиле – по слухам, местная уроженка. Другие же – меньшее число – уезжали учиться дальше. И вот именно эти, последние, и были настоящие маги. Кстати, и искусство, и человек, который им владеет, назывались одинаково – Скелле. Здесь присутствовал выраженный половой диморфизм. Хотя среди детей со способностями изредка рождались и мальчики, они были очень слабые, и иногда им даже позволялось оставаться дома, хотя и под наблюдением. Настоящие же маги всегда были женщинами. При этом величайшими магами всех времен, предками народа назывались Атрих и Скелла³ – первое было чисто мужским именем. Взрослый человек без сертификата подлежал принудительному освидетельствованию, а человек, скрывающий свои способности, – смерти. Для мужчин часто это правило игнорировалось, поскольку считалось, что они, даже если и проявляли какие-то способности в детстве, полностью теряют их без обучения к совершеннолетию. Тем не менее любой, кто желал попасть в более цивилизованные районы, обязан был иметь сертификат. Садух показал мне свой. На его шее на веревочке висел металлический крестик, отличавшийся от моего тем, что был совершенно квадратный и без надписей, скорее квадратик с зарубками на уголках. По его словам, власти имели какое-то устройство, с помощью которого могли легко сверить принадлежность крестика и персоны, его носящей.

«Вот так вот, – подумал я. – Мир вроде отсталый, а биопаспорта в наличии».

Меня, кстати, никто не беспокоил именно из-за крестика, который висел у меня на шее, приняв его за мунский аналог их сертификатов. Когда я объяснил, что это не так, Садух не слишком обеспокоился.

¹ Мау – первоначально название обширной равнины на западной окраине континента, являющейся бассейном реки Дон. В последующем так стали называть весь запад континента и в широком смысле даже весь обитаемый мир.

² Скелле – в древнем языке существительное со значением «искусство, умение». Накануне Второго Поворота – название женского монашеского ордена, широко распространенного на Мау, члены которого занимались медициной. После Второго Поворота, когда все выжившие со способностью к искусству были вынуждены присоединиться к ордену, стало наименованием всех людей с даром вообще.

³ Атрих и Скелла – такие же легендарные личности, семейная пара, подарившая людям искусство магии. Они же – основатели древней империи. События, связанные с этим, в легендах называются Первым Поворотом. Существуют несколько версий, описывающих это время. Единственной деталью, которая совпадает во всех версиях, является факт основания ими первого учебного заведения, где девочек и мальчиков учили искусству.

– Э! Ты же мужчина. Когда поедем на ярмарку, зайдем к смотрящей, она тебя быстро оформит – и гуляй. Вот если бы ты был женщиной... – нажравшийся пастилы старейшина оценивающе с ухмылкой разглядывал меня.

– Если бы я был женщиной, я бы спалил тебя на месте, чтобы остальные знали, как вести себя с почтенной госпожой!

– Ну да! Ну да! Мечтай! Девочки одна из тысячи рождаются со Сकेлле, а спалить такого красавца, как я, может одна из ста способных. Убить – да! Легко! Посмотрит – и все, готово! А вот сжечь – не, кишка тонка! Так что, как встретишь способных, ты с ними поаккуратней. Женщина и так, без способностей, иногда готова убить без причины, а уж маг!..

Аборигены, кстати, отчетливо осознавали свою чуждость этому миру. По преданию, они пришли в этот мир, предводимые мифическим прапредком по имени Ом⁴, через Ворота Мира, как они это называли. С собой они привели домашнюю скотину: овец, коз и коров. Последние выглядели вполне по-земному, хотя и были, с моей точки зрения, избыточно волосаты и рогаты. Много позже, после серии сказочных мифов, полных чудес и превращений, два могучих мага Атрих и Скелла отвоевали силу у могучих врагов и создали, насколько я понял, первое государство. Слово, которое я бы перевел как империя, учитывая, что для современных государств использовалось совсем другое определение.

⁴ Ом – легендарная личность, которая привела людей в этот мир. Известно множество легенд об этом событии, но единственной деталью, совпадавшей во всех вариантах, было имя человека, который это сделал, – Ом.

4

Растянувшийся караван груженных пастилой людей тянулся длинной змеей по узкой тропинке, спускающейся с заросших серебристым лесом холмов. Я стоял в стороне от тропы, разглядывая открывающийся вид. Отсюда, с обрывистого изгиба дорожки, был хорошо виден небольшой городок, раскидавший свои отростки по ущельям, сбегающим в начало расширяющейся к западу долины. Привычное облачное покрывало казалось совсем близким, и я неожиданно вспомнил, сколько раз я летал на самолете и не обращал внимания на вид подо мной. Крутой спуск дарил мне редкую в этом мире возможность посмотреть на город сверху. Головы каравана не было видно, и казалось, что с вершины выползает бесконечная цепь людей. Наконец появился отставший Садух, и мы вместе с другими мужчинами из нашей семьи вновь встали в общую очередь из людей. Караван собирался на большой площадке за холмом целых два дня. Оружие в долине было категорически запрещено, и единственным способом защиты для каравана было количество людей в нем. Даже с оружием никто не рискнул бы напасть на узкой тропе на несколько сотен здоровых молодых мужчин. Весь этот караван нес на своих плечах годовой запас накопленной пастилы, которую еще ждала дальнейшая переработка. Таким количеством этого снадобья Саэмдил мог бы обеспечить себя до конца времен, но этого было все равно мало для всей страны, и, как результат, цены на пастилу были заоблачными. Внизу нас поджидала городская стража и, возможно, даже маг. Еще бы! У нас за плечами было сырье для целого года работы этого города. Собственно, мы несли смысл существования для него.

Город сверху не поражал каким-то своеобразием. Это мог бы быть и земной город, если бы не кажущаяся хаотичность в его постройке. Дело в том, что улиц как таковых, как прямых, свободных от построек участков земли, я не обнаружил. Дома стояли свободно, не примыкая друг к другу, окруженные затейливой вязью нешироких дорожек. Прямоугольной формы, со светлыми стенами и темными крышами, с прямоугольными проемами окон и дверей, дома были очень похожи на земные, может быть, с некоторым налетом Дальнего Востока. Эту восточность ему придавали выступающие за пределы крыш коньки и стропила со слегка изогнутыми концами. Любопытно, но, с точки зрения местной географии, весь этот регион был дальним востоком страны. Никаких стен или чего-нибудь подобного вокруг города не было.

Спустившись, караван разделился. Миновав грозного вида заставу из пяти, наверное, стражей правопорядка, на которой нас всех переписали, представители нашей семьи направились к постоялому двору, традиционно закрепленному за нами и ожидающему нашего прибытия. Люди на улицах отличались от облика моих новых родственников стрижкой, одеждой и манерами. Большая часть мужчин была стрижена под горшок. И хотя я за этот год отпустил себе подобие хвоста и регулярно брился подаренным мне Урухеле тонким ножом, они выделяли меня из группы и смотрели с явным любопытством. Вместе с тем никто не подходил, не обращался к нам, не было слышно смешков или пересудов. Постояв и полюбовавшись на нас, прохожие отправлялись по своим делам. Похоже, что «индейцы», родственником которых я теперь считался, были довольно экзотичны даже для напрямую с ними связанного и зависящего от них города. Ну и я, конечно, выделялся очень светлой по местным меркам кожей, относительно светлыми тонкими волосами и физиономией, украшенной совсем не орлиным профилем. В остальном одет я был так же, как и мои родственники, в рубаху из нетканого полотна, которое делалось из стволов местного растения, штаны и высокие мокасины, напоминающие короткие сапожки. Мои родные кроссовки я давно заменил – уж слишком «жаркими» они оказались для здешнего климата. Иногда я с тоской рассматривал их и тогда особенно больно почему-то было видеть надписи вроде «сделано в Китае» или «Нью Баланс». Чем дальше, тем больше я старался не касаться прошлого – я не мог ничего изменить в нем, и воспоминания не приносили ничего, кроме боли.

Постоялый двор оказался двором в почти прямом смысле этого слова. Четыре двухэтажных квадратных здания, напоминающих крепостные башни, были соединены между собой одноэтажными перемычками без окон, что со стороны еще более усиливало впечатление крепости. Войдя во двор, я рассмотрел, что перемычки эти были анфиладами помещений, объединенных длинным коридором, примыкающим к площадке двора, украшенной колодцем и серповидным бассейном с водой. Нас встретил явно довольный нашим появлением пузатый управляющий с таким же хвостом волос, как и у нас. Тепло поздоровавшись с Садухом, он забрал последнего, и они исчезли в дальней башне. Две молодые девушки показали нам наше пристанище – это оказалась одна из стен-перемычек, которую мы полностью оккупировали. Я впервые за этот длинный год видел молодых местных женщин – так получилось, что в соседние хутора я не попал, а в нашем самой молодой была моя жена, которая на молодую девушку уже никак не походила. Девушки были невысокими, плотного телосложения, с характерными чертами лиц местного населения. Волосы они носили собранными в своеобразные косынки на голове, которых я раньше не видел. Меня они явно выделяли из прочих и относились с некоторой настороженностью и даже опаской. Башни, примыкавшие к нашей анфиладе комнат, оказались нежилыми на первых этажах. В них располагались запираемые склады, уборные и подобие умывальников. Исследовав уборные, я приятно удивился – очевидно, что в городе была проложена сеть канализации, так как нигде на улицах, пока мы шли до постоялого двора, я не заметил характерных сточных канав или чего-то подобного. Уборные же соединялись не с выгребной ямой, а с каким-то каналом, который необходимо было омыwać водой из бассейна посреди двора. Если кто-то собирался посетить отхожее место, то он вынужденно сообщал об этом всем постояльцам, набирая воду специальным ведром из резервуара. Мои товарищи, не в первый раз пришедшие на ярмарку, быстро объяснили мне все премудрости местного быта. Наш груз мы сбросили на специальном запираемом складе в одной из башен и собрались пройтись по городу, когда появился Садух и подозвал меня.

– Илия! Пойдем, проверим тебя. Вдруг ты скрытая девка-колдунья и только притворяешься мужиком!

Родственники заржали. Мягкие звуки в местном языке отсутствовали, и я давно привык к новому произношению моего имени, которое звучало даже ближе к «Илья», чем Илия.

– Я тебя предупреждал, Садух, что я с тобой сделаю, когда окажусь благородной волшебницей?

– Ай! Зачем так при всех? Опять приснилось что-то?

Родственнички опять заржали. Я сплюнул.

– Пойдем.

Шутки на скользкие темы были любимым развлечением Садуха, и все давно к этому привыкли. Мы вышли со двора и направились к невысокой, поросшей на вершине лесом скале, торчавшей прямо посреди долины, где раскинулся город. Я с любопытством вертел головой, Садух рассказывал о порядках в городе и местных достопримечательностях. На завтра был назначен аукцион, и наше участие в нем ограничивалось ролью грузчиков и охраны. С утра весь сбор за год мы отнесем в подобие товарного банка, где его примут, оценят по качеству и количеству. Банк выдаст товарный вексель, под залог которого Садух тут же откроет кредит в, скорее всего, этом же банке, и на этом для нас все закончится. Торговать на аукционе будет уже банк как наш агент, и эти торги будут вестись практически в течение всего следующего года. Выручаемые деньги банк будет забирать в погашение кредита и комиссии. Только на следующий год, если, конечно, не посетим город раньше, мы узнаем, сколько на самом деле мы заработали или остались должны банку. Впрочем, последнее было маловероятно. Экономика хутора была довольно бережливой, если не сказать скудной, и потратить деньги за год не было никакой возможности. Я уже знал, что наша семья, по местным меркам, довольно богатая. И при желании мы могли бы с легкостью переехать в цивилизованные края. Но мои новые род-

ственники предпочитали хранить верность традициям, а деньги вкладывать в какие-то предприятия, до сведений о которых меня пока не допускали. Периодические визиты гонцов из долины, таинственные встречи в лесах и прочие признаки внешней активности напоминали мне фильмы о сицилийской мафии. Где-то в большом мире имя Садух было пугающим. Здесь же он был просто главой семьи, сборщиком орешков.

– Пришли, – сказал он, когда мы остановились напротив небольшого домика, прилепившегося к подножию развалин по виду довольно древней каменной башни. Из чего был построен остальной город, я пока не задумывался, так как все дома были оштукатурены и покрашены разными оттенками кремового цвета.

Войдя внутрь, мы обнаружили скучающего толстого человечка, сидящего на своеобразной одноногой версии табуретки рядом с большим столом. Человечек носил длинную синюю мантию и был, как и большинство горожан, стрижен под горшок.

– Доброго дня, – поздоровались мы.

– Чего вам? – не ответив на приветствие и не двинувшись с места, поинтересовался последний.

– Нам бы освидетельствование пройти.

– Где ребенок? – так же лениво процедил служитель.

– Вот, – ткнул в меня пальцем Садух.

Человечек оживился и впервые за время разговора пошевелился на своей табуретке, уставившись на меня довольно умными глазами.

– Он – мун, ганнер, теперь он член моей семьи.

– Чего-то на ганнера он мало похож! Видал я их пару раз!

– Бреется.

– Чего делает?

– Ну, срезает бороду ножом.

Человечек неожиданно живо подскочил ко мне, всмотрелся в мое лицо и успокоился.

– Первый раз вижу такого ганнера! Разговаривает?

– Я же сказал, он член моей семьи.

– А вы, собственно, кто?

– Я – Садух! – спокойно и с достоинством ответил тот.

Похоже, имя произвело на служителя нужное впечатление, глаза его как-то метнулись, он вернулся на свою табуретку и уже официальным тоном сообщил:

– Ждите. Ее самость примут вас!

Мы помялись на месте. Никакой другой мебели, кроме стола и табуретки служителя, в комнате не было. Из-за закрытых дверей не доносилось ни звука.

– Может, нам пока погулять? – спросил я, обращаясь одновременно и к Садуху, и человеку.

– Ждите! – довольно категорично ответил последний.

Вдруг он подскочил и метнулся в боковую дверь. Тут же высунул голову из проема и махнул мне рукой.

– Заходи.

Я вошел мимо посторонившегося служителя. В небольшой светлой комнате не было ничего. У дальней стены был виден проход с лестницей, которая вела куда-то вверх. Рядом с проходом стояла невысокая полная женщина, одетая по местной моде без каких-либо особенностей в одежде.

– Этот? – спросила она у человечка, как будто и так было непонятно.

– Да, госпожа, – немногословно с почтением в голосе ответил тот.

– Чист как слеза. Я никогда и не видела такого, – пробормотала женщина, видимо, маг.

– Э-э-э! Что записать? – переспросил удивленный служитель.

Не обращая на него никакого внимания, женщина подошла ко мне и всмотрелась.

– Мун?

– Да, госпожа, – ответил за меня человек.

– Удивительно! Похоже, Скелле вас совсем не цепляет. У наших мальчиков хоть следы есть, а ты совсем прозрачный. Отвечай, ваши девочки владеют искусством?

Знать бы еще! Я решил рискнуть.

– Очень мало, госпожа!

Похоже, ответ ее удовлетворил. Она махнула рукой служителю, развернулась и ушла на лестницу.

Служитель тут же вытолкнул меня из комнаты и водрузился на свой табурет. Садух стоял тут же.

– Чего это вы так долго?

– Долго? – удивился я. Не прошло и минуты.

– Так, – суетился служитель, – ну-ка, подойди сюда, мун.

Он достал откуда-то из-под стола коробочку, похожую на большой пенал, раскрыл ее и сейчас вставлял в обнаружившиеся внутри гнезда кубики со значками.

– На. Выбирай, – он сыпанул на стол несколько крестиков.

– У него свой есть, – неожиданно сказал Садух.

– Пошлину надо платить все равно! – агрессивно окрысился служитель.

Садух, не разговаривая, достал местные деньги. Их роль в этом мире выполняли банковские расписки особого рода. Выглядели они как листик очень тонкой кожи, покрытый для меня загадочными узорами. Служитель успокоился и даже, по-моему, обрадовался, смахнув со стола разложенные крестики.

– Имя?

– Илия.

Служитель тихо ругнулся и начал переставлять кубики.

– В твою семью пишем? – переспросил он Садуха.

– Я же уже сказал! – нахмурившись, ответил тот.

– Формальности. Так положено. Давайте ваш крестик, – начал оправдываться служитель.

Садух снял и протянул свой крестик. Человек, развязав шнурок, на котором висел крест, вставил последний в пенал. И протянул руку мне. Я догадался, сняв свой крестик, растянул цепочку и протянул его служителю. Тот повертел крестик в руках, хмыкнул, но ничего не сказал и тоже вставил его в пенал. Щелкнула крышка, и тут же нам вернули наши крестики.

– До свидания, уважаемые! – прорезалась неожиданная вежливость у служителя.

– До свидания! – ответили мы и вышли на улицу.

5

Я стоял на крошащемся каменном балкончике над глубоким, метров пять, оврагом, дно которого и противоположный склон заросли какими-то местными кустами, походившими на высоченные пучки пушистых перьев, торчавших из земли. Часть балкончика обрушилась вместе с половиной небольшого то ли домика, то ли сарайчика, который был выстроен на нем, и теперь громоздилась на дне оврага кучей пыльных обломков. Уцелевшая часть, по-видимому, кухня с подобием туалета, опиралась на несколько деревянных балок, заделанных в скалу, и, вероятно, по этой причине уцелела. Овраг располагался в самом дальнем конце сужающейся долины и был окружен высокими склонами нависающих над городом холмов. Фактически здесь уже никто не строился, и рухнувший домик был чей-то попыткой соорудить себе нечто вроде загородного поместья. Попыткой тем более понятной, что в черте города любое строение облагалось налогом. Светило солнце, ну, или что тут у них, и я, шурясь, обозревал мою новую недвижимость.

Как я уже говорил, меня беспокоили две тайны, и эти же тайны манили меня. Тайна моего попадания сюда и тайна Сकेлле. Прав я или не прав, но мне казалось, что они связаны. Ничего другого мне в голову просто не могло прийти, так как только эти факты никак не вписывались в мою картину мира. Я двигался, как акула двигается на запах крови. И, конечно, я не мог оставаться с Садухом и его семьей. Магия и разгадка моего путешествия были не в лесах Облачного края – они были там, в городах у побережья далекого океана. Мне было жаль, что я не был до конца откровенен с ним, но, в конце концов, мне кажется, он меня понял. Во всяком случае, расстались мы по-дружески, хотя и понимали оба, что шанс увидеться еще раз был минимальным.

Он помог устроиться мне грузчиком и уборщиком на местной бирже, хотя мне показалось, что у него был какой-то тайный расчет на это – какие-то планы, в которых ему нужен был свой человек на складах. Он же договорился о выкупе в местном подобии мэрии этих останков за погашение чьего-то штрафа за незаконное строительство. Подозреваю, что проштрафившемуся было уже все равно, так как при катастрофе, как я слышал, погиб владелец этой халупы, а для мэрии это был внезапный подарок судьбы – получить штраф там по понятным причинам и не надеялись.

Я уже осмотрел сарай. Уцелела крохотная комната с маленькой печкой, скорее даже плитой, развалившейся кушеткой и выделенным дощатой перегородкой углом, в котором было организовано подобие сортира – круглая дырка в полу над оврагом. Теперь мне предстояло испражняться на останки того, что было раньше этим домом. В наличии также было одно окно без стекла и одна дверь без замка.

Ну что же? Жизнь продолжается. В течение местного года отчетливо выделялись лишь два сезона – очень теплый, даже жаркий и влажный сезон Воды, как это называли местные, и умеренно теплый и сухой сезон Солнца. Однако в отличие от Земли местные года тоже чередовались – за парой теплых лет следовала пара холодных. Эти пары носили названия «пара любви» и «пара верности». Первый холодный и первый жаркий года считались женскими, а вторые – мужскими. Я попал сюда в год мужской верности, и теперь наступал год женской любви – по рассказам самый холодный год из всех. Правда, о снеге местные знали, но только в рассказах о горах, так что, видимо, самый холодный год все равно будет теплее московского. Меня настораживал только тот факт, что на биржевом складе большую часть помещений занимали банальные дрова. Хотелось на всякий случай и самому утеплиться.

Садух с товарищами ушли сегодня с утра. Я вынужден был также оставить гостеприимный отель и переселяться в свою собственность. Четкого недельного цикла здесь не было – любой наемный рабочий имел право истребовать один выходной за пять рабочих дней. Можно

было работать без перерыва весь год, а затем отгулять длинные каникулы. Правда, меня сразу же предупредили, что работать без перерыва более двадцати дней на бирже нельзя. К тому же запрещалось одновременно брать более пяти дней выходных. Так что не разгуляешься. Я уже имел в запасе один выходной и сегодня им воспользовался.

Вздыхнув, я направился на местный рынок, где уже присмотрел большую кучу необходимого для жизни барахла, начиная с двухколесной тележки, напоминающей наши тачки для бетона. Без нее притащить всю эту утварь было нереально. Тропинка, ведущая вниз, основательно заросла тем, что я называл папоротником, опять же за чисто внешнее сходство. И было похоже, что никто, кроме меня, ее уже давно не тревожил, что меня, честно говоря, полностью устраивало. Тропинка огибала заднюю стену крайнего дома и выскакивала на широкую дорожку. На ней два пацана и маленькая девочка играли с какими-то камушками. Прямо под ногами они насыпали кучку из разнокалиберных белесых камней и вертели их, похоже, сортируя. Одни камни признавались годными и откладывались в сторону, другие зашвыривались безжалостно в овраг. Я остановился, присматриваясь. С моим опытом общения с камнями можно было стать параноиком. Неудивительно, что меня заинтересовало их занятие. Детвора тут же остановилась и уставилась во все глаза на меня.

– Здрасьте! – сказал я. – А чего это вы делаете?

– Фонарики собираем, – недоуменно ответил старший. Типа «Ты чего, дядя? Сам не видишь?».

– Чего? – тупил я.

– Фонарики, – снизошел до меня второй. Девочка застыла, открыв рот. Похоже, таких, как я, она еще не видела. Впрочем, и вряд ли еще увидит.

– Запускать вечером будем. Те, что плохо светятся, мы выкидываем, а хорошие берем, – продолжил пацан.

– Как так светятся? Покажите, – не унимался я.

– Ну как? Вот так! – пацан взял годный камешек и замер, держа его неподвижно. Затем по прошествии нескольких секунд перевернул камень на 180 градусов, и тот засветился. Свечение продолжалось от силы секунду и было едва видимым, но, вероятно, вечером это было бы довольно ярко. Подождав еще несколько секунд, пацан опять перевернул камень, и тот вновь озарился неярким светом.

Я офонарел.

– Подарите один!

Малышня, похоже, офонарела тоже. Помолчав секунду, старший из них спросил:

– А вы сами чего не возьмете?

– А где?

– Да вот же, – второй показал рукой на осыпь в ближайшем склоне холма. Малышня, похоже, надолго впадала в ступор, дивясь тугодумию взрослого незнакомца.

– Ага. Спасибо! – забыв про свои дела, я ринулся к галечной осыпи. После нескольких минут поисков и экспериментов я стал обладателем трех волшебных камушков. Похоже, что вся галька в осыпи обладала нужными свойствами в большей или меньшей степени. Однако критическую роль играл размер камушков. Слишком большие «заряжались» долго и светились еле видно, а при превышении некоторого размера свечение и вовсе не было видно. Маленькие же, наоборот, вспыхивали, но гасли так быстро, что, опять же при достижении определенного размера, я не успевал рассмотреть вспышку. Свойства их определенно зависели от какого-то минерала, примешанного к основной породе. И, кроме правильного размера, необходимо было отсортировать их еще и по качеству.

Вот оно – что-то, чего не было в моей прежней жизни! А значит, я на правильном пути! С трудом справившись с возбуждением, я отправился на рынок. До вечера времени еще предостаточно, и у меня будет возможность поэкспериментировать.

Рынок жил здесь по своим правилам. Он нисколько не напоминал веселое ярмарочное гулянье народа где-нибудь на Земле, это был, скорее, полупустой громадный супермаркет, с той только разницей, что размещался он не в одном огромном здании, а в целом районе, состоящем из домов торговцев, которые одновременно являлись складами товаров, и крытых полукруглых галерей, которые окружали эти комплексы и где, собственно, и происходила торговля. Я уже бывал здесь, поэтому уверенно шел по разведанному маршруту, загружая свою тележку рукоятыми ведрами, кастрюлями, замками, инструментом и прочим, и прочим. Финансы ощутимо просели, а конца покупкам не было видно. Дома торговцев выделялись своей вычурной архитектурой – крыши были с очень крутыми скатами и поднимались на огромную высоту, украшенные разноцветной разнокалиберной резьбой. Мне было любопытно, как использовалось пространство под этими крышами, – прямо храмы торговли, по-иному и не сравнить. Но пока мое любопытство оставалось неудовлетворенным – все, что было мне нужно, я покупал прямо в открывающихся на улицу галереях. Надо признать, что эти высоченные крыши играли важную роль в планировке города, у которого отсутствовали привычные нам прямые улицы – они позволяли сразу видеть направление на дом интересующего вас торговца, а не блуждать в этих лабиринтах. Я уже заметил, что еще одной особенностью города было отсутствие тупиков и непроходимых переулков – ступая по любой дорожке, вы могли быть уверены, что впереди вас ждет выход на следующую, видимо, это регулировалось отдельным правилом.

– Почем топор, уважаемый? – остановился я у галереи местного кузнеца и неожиданно заметил несколько камушков, похожих на те, что я отобрал на осыпи, которые лежали на прилавке.

– Тебе почти даром! – ответил немолодой то ли дядька, то ли старик – я плохо угадывал возраст аборигенов, – стриженный не под горшок, как это было здесь принято, а с длинным конским хвостом, и назвал цену.

– Хрена себе! Если это даром, то спасибо, мне это и даром не надо!

– Бестолочь! – упрекнул меня беззлобно старикашка. – Это же магические, зачарованные, не простые топоры!

– Ну так я не местный! Разницы не вижу. Топор – он и в горах топор! Что с ним такого?

– Ты чего? Из мун, что ли? – поинтересовался дядька, давно уже приметивший мой нестандартный облик.

Я кивнул и добавил на всякий случай:

– Из семьи Садух я.

– Слышал, слышал. Тут уж полгорода, поди, судачит, что Садух приволок какого-то полоумного ганнера. Вот, смотри, вот это – обычный топор. Куется сам знаешь как, а кромку мы потом подкаливаем, но не сильно, в масле. А этот – магический. Его после поковки сразу магу отдали, он уголь из нутра его наружу вытянул, кристаллики подправил и сразу заморозил! Он теперь снаружи твердый, внутри пластичный, да не просто так, а по уму. Ежели ты им гвозди рубить будешь, то, конечно, сколетя. А так бамбук какой рубить – сносу не будет! – рекламировал топор продавец.

– По виду они одинаковые, – указал я на топор, который дядька назвал обыкновенным.

– Да вот же, дурья башка! Мун! Ну что ты с него возьмешь?! Смотри, клеймо видишь?

– Вижу. Ну и что?

Старикашка аж замолчал.

– Как что? У тебя что, линзы нет?

Сказано это было таким тоном, словно у меня штанов не было.

– Нет, – признался я, понимая, как низко сейчас падаю в его глазах.

– Да ладно?! – старикашка вперился в меня взглядом, как будто ища подвоха. – А как же ты деньги, к примеру, проверяешь?

Кажется, я начинал догадываться, о чем он.

– Возьмешь топор – я тебе, так и быть, подарю одну.

Я помялся, но решил, что я не топор покупаю, а информацию, и согласился:

– Беру.

Старикашка получил деньги, выдал мне топор и тут же достал из-под прилавка натуральную такую линзу в бронзовой тонкой оправе и на шнурке. Хихикнул.

– Пользоваться-то умеешь?

Не дожидаясь ответа, он провел линзой над клеймом, и я увидел, как подернулось радугой последнее при взгляде сквозь стекло, или что там это было. Я взял в руки лупу и навел на сдачу, которую вручил мне разговорчивый продавец. Ну, конечно же, узоры на купюре переливались яркой радугой при взгляде сквозь линзу. Мне тут же страшно захотелось проверить, будет ли видна радуга без света солнца или в тени, но я обуздал свое нетерпение и решил выжать максимум за свои деньги из хитрого продавца, который выглядел подозрительно довольным после сделки.

– И где же такие делают? – поинтересовался я.

– Да много где. Любой мастер-стеклощик тебе такую сварганит, если ему сырье дать.

– А что за сырье? – продолжал я допрос. Но, кажется, старикашке в отсутствие покупателей тоже было скучно, и он охотно отвечал мне:

– Песок особый собирают, потом дробят его в пыль, отделяют на особой машине нужный компонент от основы, плавят, отливают и шлифуют под нужный размер.

– И все это без магии?

– Ну, на серьезных заводах, конечно, мага-то держат – для контроля, там, и управления, но у мастеров помельче кишка тонка на мага – так делают.

– А у нас делают?

– Нет у нас того песочка. Он больше в долине Дона, там многие города тем и живут, что песочек этот перерабатывают.

Я уже знал, что одна из крупнейших рек страны называлась здесь Дон. Простое ли это совпадение или за этим что-то стоит, я сейчас не мог определить. Сбоку возникла пара каких-то ли любопытных, то ли покупателей. Не обращая на них внимания, я указал на знакомые камешки, лежащие на прилавке.

– А эти не годятся? Ну, там, если смолоть и все такое?

– Фонарики, что ли? Не, они бесполезны. Это я внучку набрал, отдам Фуртаху-ювелиру, пусть обточит их в шарики.

Он собрал камешки в горсть и зашевелил пальцами, перегоняя их с места на место в ладони. Камешки вспыхнули и какое-то время, подольше, чем у меня, переливались.

– Я такими в детстве играл, – вздохнул продавец.

Любопытная парочка, ничего не спросив, отправилась дальше, а я, поблагодарив старика, двинулся к себе, в гору.

Под вечер опять все затянуло облаками, да и склоны ущелья после полудня начинали затенять мою хибару. Я сидел на обрыве, свесив ноги в овраг, и возился с камушками и линзой. Рядом стояла приобретенная сегодня кружка из самого натурального алюминия. Похоже, местная цивилизация вовсе не была такой примитивной, как я решил, когда впервые увидел отряд Садуха с копьями. По местной городской моде я не жевал пастилу, а разводил маленький кусочек в горячей воде. Получался довольно вкусный с ореховым ароматом напиток, от которого местный житель уже хрюкал бы под кустами, я же с моей врожденной толерантностью мог пить сколько влезет.

Мне казалось, что я разобрался с механизмом свечения камушков. В кварцевой основе были равномерно распределены кристаллики неизвестного мне минерала. Каждый такой кристаллик при определенном положении относительно источника также неизвестного мне излучения заряжался, как маленький конденсатор. При перевороте его на 180 градусов он сбрасывал

вал накопленную энергию в виде света. Так как кристаллики были распределены хаотично в теле камушка, то и камушек в целом светился всякий раз, как я его переворачивал. Строго говоря, я не был уверен, что есть какое-то направление на источник вообще. Но сам факт получения энергии из невидимого источника наводил на мысль об использовании его в, как говорится, мирных или не очень целях.

Линза же вела себя как обыкновенное увеличительное стекло, с тем только исключением, что она расщепляла свет, отраженный от магических узоров на банкнотах, в спектр. Я предполагал, что свет, отраженный от узора, содержал некоторую невидимую глазом частоту излучения, а может, даже и неизвестное мне излучение как таковое. Проходя через линзу, оно расщеплялось на обыкновенный свет и становилось видимым глазу.

Для себя я выделил две задачи. Во-первых, выделить неизвестный минерал, который содержался в фонариках в чистом виде. А во-вторых, заказать изготовление серии оптических инструментов из стекла, которое шло на изготовление линзы: призмы с разными углами, собственно линзы с различными фокусными длинами и зеркала, если это было возможно. Традиционный метод исследования – чтение литературы – в данном случае был невозможен. Местные пояснили мне, что вся информация о Скелле засекречена и никаких книг я не увижу, если только не поступлю в магическую школу, что мне, как говорится, не светило. Был еще вариант – сдать. Пойти к магическим властям и рассказать все, как оно было. По некоторым причинам, а среди них была смертная казнь за утаивание любой информации о магии, я решил пока воздержаться от этого.

Нет ничего лучше продуманного плана действий – как только вы понимаете, что нужно делать, так сразу же олимпийское спокойствие приходит к вам. И в эту ночь я спал как младенец.

6

Здрав голову, я рассматривал крутой склон горы, переходивший выше в скалу, на вершине которой когда-то я стоял, разглядывая город, где теперь я, как мне казалось, уже освоился. Не надо смеяться – день, как обычно, был пасмурный, но серьезные дожди начнутся много позже, уже летом, а сейчас сыпалось нечто невесомое – то ли туман садился, то ли морось начиналась. За последнее время я стал знатоком окрестностей, и эта скала была многообещающей возможностью найти качественный материал для фонариков. Я рассматривал подходы, раздумывая, как добраться до нее, когда заметил, что у подножия скалы кто-то ползает. Интересно, что самого человека я сначала не заметил, а заметил переливающиеся огоньки от осыпавшихся под его ногами камешков. «Качественный материал, должно быть!» – подумал я. Интересно, что он там делает? Я заметил, что незнакомец начал спускаться по невидимой тропинке, и поспешил ему навстречу. По крайней мере, стало понятно, где удобнее всего было бы забираться наверх.

Это была самая настоящая козья тропа, тем более что козы, хоть и гораздо более волосатые, чем те, к которым я привык, здесь были. Я не рискнул подниматься навстречу и стал ждать незнакомца у подножия горы. Какое-то время спустя он появился из-за горбатого склона и остановился, увидев меня. Я смотрел на него, здрав голову. Невысокий человек в длинной черной хламиде, подпоясанный цветным поясом. Издалека он напомнил мне наших священников, только без головного убора и бороды. Я уже узнал его. Хотя мы и не были знакомы, но несколько раз я видел его в городе, который оказался по московским меркам совсем крохотным. Человек, похоже, тоже узнал меня и, кивнув, продолжил свой спуск.

– Добрый день! – поздоровался я, когда он спустился.

– Добрый. А вы что здесь ищете? – неприветливо поинтересовался он.

– Да вот. Камушки собираю.

– Чего? Какие камушки? – неожиданно он уставился на меня с подозрением.

Я ничего не понимал. Никто не говорил мне о каких-либо запретах на геологические изыскания. Ищи себе сколько хочешь. Главное, не рой ям, где не надо.

– Обычные. Ну, не совсем обычные. Разные. Вот, пришел для фонариков поискать сырье получше.

– Зачем это тебе? – не отгаивал незнакомец. В глазах его было явственное подозрение.

– Вы извините, если я чего не знаю. Я в городе человек новый. Но вроде собирать камни всякие, минералы никто не запрещает?

– Тебе-то они зачем? – тем не менее настаивал собеседник.

– Ну, я всякие эксперименты с ними провожу! Хочу вот линзу сам сделать.

– А желсулит тебе зачем? – незнакомец, кажется, немного расслабился. Я же, наоборот, сделал стойку. Желсулит? Ну, ты попался!

– Это вы так минерал называете? – тот кивнул. – Да, я думал, может, можно из него выделить активный компонент.

Незнакомец уставился на меня, едва не открыв рот.

– Половины не понял, что ты сказал, но у тебя ни хрена не получится, парень!

– Почему? – я демонстрировал крайнюю заинтересованность.

– По кочану! – неожиданно грубо ответил он и, развернувшись, двинулся в сторону города.

Я решил, что еще найду его там, и начал взбираться по тропе.

Оглянувшись на ближайшем повороте, заметил, что он не ушел далеко, а стоит и наблюдает за мной. Помахав ему рукой, я продолжил подъем.

Как выяснилось, на работу меня устроили не абы куда. Все грузчики и охранники, включая мастеров, носили длинные хвосты, что красноречиво говорило об их происхождении. Эдакая мафия в местном варианте. Так что больших проблем со своей адаптацией я не испытывал. С одной стороны, все они были немного чужаками в городе, с другой, я быстро примелькался и уже считался за своего. Статус людей с холмов, кроме того, ограждал от излишнего любопытства горожан. Вместе с тем этот же статус делал моих товарищей плохо ориентирующимися в жизни города, и во время перерыва я обратился к вознице, который развозил по городу и окрестностям все, что мы ему грузили. Это был местный болтливый малый, правивший повозкой под воловией тягой. Волы, как это здесь и было заведено, были страшно волосатые и больше напоминали мамонтов в миниатюре.

– Послушай, любезный! – обратился я к нему. – Ты не знаешь, что это за человек приходил сюда не так давно – в длинной черной одежке и с цветным поясом?

– А! Это Фуртах, ювелир. Он с севера – у них все так ходят.

Имя мне было знакомо.

– А где его найти?

– На рынке, ясно. Дом с синим коньком и желтой резьбой по нему, – получил я местный вариант домашнего адреса.

Поблагодарив возницу и выслушав в ответ кучу вопросов о том, что мне от этого Фуртаха надо и не спер ли он чего, я отделался от него.

Дом ювелира я нашел легко. Недалеко от центра рядом с рынком тело города взрезала торчащая, как плавник какой-то гигантской акулы, скала, густо поросшая бамбуком. Вот к этой самой скале и прижимался дом Фуртаха – очередная вариация на тему «на хрена такая крыша?». В отличие от других домов торговцев этот не имел галереи, окружавшей его первый этаж полукругом, да и в целом был гораздо мельче остальных, но, так как стоял на небольшом холмике у подножия скалы, казался монументально высоким – его конек доминировал над всем торговым районом. Я не брал очередной выходной и решил зайти к ювелиру сразу же после работы, благо рабочий день здесь, возможно, благодаря очень длинным суткам, заканчивался рано. За свое эксклюзивное положение дом ювелира расплачивался ранними сумерками, так как тень от скалы накрывала его во второй половине дня. Вместо галереи наличествовало небольшое крыльцо с несколькими высокими ступенями и приоткрытой дверью. По земной привычке я постучал костяшкой пальца по косяку двери и вошел.

Довольно темная небольшая комната была перегородена прилавком, за которым сейчас никого не было. Горел фонарь. Я осмотрелся и не обнаружил ничего примечательного – аскетичное помещение, несколько стульев, похожих на барные табуреты у прилавка, и все. За прилавком скрипнула дверь, и в комнату выглянул незнакомый молодой парень.

– Вы к кому? – спросил он меня, не здороваясь.

– Могу я увидеть господина Фуртаха?

– А вы, собственно, по какому вопросу? – настаивал он.

– Хочу заказать изготовление нескольких стеклянных изделий, если это возможно.

– Возможно, конечно. Заказ я могу принять сам.

Меня это вполне устраивало – не было никакого желания объясняться с ювелиром.

– Ну, давайте, – я присел на один из табуретов у прилавка и достал наброски нескольких линз и призм, которые приготовил заранее.

Парень с любопытством разглядывал чертежи.

– Очень странная манера изображения! Но, впрочем, вполне понятно. А это что за стрелочки?

– Это размеры в миллиметрах, – понятно, что никаких миллиметров аборигены не знали, и так я перевел для себя местный аналог единицы длины.

– Офигеть! А из чего делать? Из стекла?

– Я, честно говоря, не знаю, что это, но вы из этого материала делаете линзы. Вот из него мне все это хозяйство и надо сделать.

– А для чего это? – в глазах парня горело любопытство.

– Ну, хочу сделать такое украшение из всего этого.

– Украшение? Украшение чего? – не унимался тот.

– Секрет. Сделаю – покажу. У нас дома такие делают, – соврал я, рассчитывая на то, что мое происхождение спишет все на чудачество горцев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.